

Две заметки о Пушкине и «кавказском тексте»

1

Естественный человек в русской печати XVIII — первой трети XIX века

Ю. М. Лотман и З. Г. Минц в статье «“Человек природы” в русской литературе и “цыганская тема” у Блока» отметили, что «антитеза “дикарь — цивилизованный человек”, которой оперирует современный исследователь для уяснения себе круга идей конца XVIII — начала XIX в., слишком упрощена и совсем не отражает богатства идей той эпохи»¹. В своей работе они показали специфику цыганской темы как одного из вариантов оппозиции «дикая свобода / цивилизованное общество». Полностью соглашаясь с тезисом о том, что «дикарская» тематика включает в себя различные философские течения, идеологические споры и традиции, в данной работе мы оставим в стороне мировоззренческие вопросы и попытаемся проследить всего лишь развитие сюжетов, связанных с «дикарской» темой, которые проникали в русскую печать на протяжении конца XVIII — начала XIX в.

С XVIII в. в русских журналах периодически появляются известия о жизни в Америке, и с самого начала в этих сообщениях возникает тема взаимоотношений дикого населения и европейцев, которые «против безвинных американцев некоторые бесчеловечия показывают»². Дикие американцы со временем становятся постоянными героями российской периодики, появляясь в разных сюжетах и контекстах — то в роли наивного наблюдателя, как в известном памфлете «Письмо индейца о нравах европейцев»³, то в качестве объекта изучения в этнографических очерках-путешествиях, то как персонажи военных мемуаров. Но наибольшее распространение получили два рассказа, перепечатывавшиеся в разных переводах из сборника в сборник, из журнала в журнал. Это, во-первых, рассказ «Абенаки» (печатавшийся также под заглавиями «Повесть о диком абенакизде», «Великодушные дикого», «Пример чувствительности индейцев» и др.) и, во-вторых, рассказ «Дикий америка-

¹ Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 248.

² Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях. 1729. Ч. 30. С. 119 (15 апреля).

³ Покоющийся трудолюбец. 1784. Ч. 2. С. 161—163.

нец» (то же — «Люди добрые находятся везде, даже и между дикими», «Дикий» и др., — по данным В. Д. Рака, этот рассказ перепечатывался на русском языке в разных переводах не менее десяти раз⁴). В первом из них английский офицер попадает в плен к старому индейцу, который учит его добывать себе пищу в лесу и другим полезным вещам, а потом отпускает, взяв с него клятву не воевать больше против индейцев. Во втором, наоборот, старого уставшего индейца подбирает в лесу европеец и приводит в свой шалаш. Ночью европеец, услышав, что старик встал, ожидает нападения, но выясняется, что тот молится за своего спасителя. В обоих случаях сталкиваются представители двух миров и, проявив великодушие, начинают лучше понимать и больше признавать друг друга. Подобные истории умиротворяют читателя, укрепляют в нем веру в гармонию мира, поэтому они постоянно оказываются востребованными массовой литературой, — не случайно в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» рассказ «Абенаки, или Пример чувствительности индейцев»⁵ следует непосредственно после кровавой истории «Пример жестокости индейцев»⁶. Именно такое сочетание создает максимальный эффект: даже самые дикие и кровожадные способны проявлять великодушие и чувствительны к великодушию, проявленному по отношению к ним. Очень близкие истории рассказываются о диких животных, — не меньшим успехом, чем два названных рассказа, пользовался старый сюжет, известный под названием «Лев Андрокла»⁷, — про человека, попавшего в пещеру льва. Человек вылечил льву лапу, после чего долго жил в его пещере, лев кормил его, принося ему лучшие куски своей добычи. Позже человек был пойман и отдан на растерзание диким зверям, на него спустили того самого льва, и лев, узнав своего спасителя, «стал лизать у сего несчастного <...> ноги и руки»⁸. На основании этих трех очень популярных историй и других, им подобных, формируется набор сюжетных клише о дикаре среди европейцев или европейце среди дикарей и совершенно параллельные им сюжеты о животном среди людей или человеке среди животных. Эти повести (почти сплошь переводные)

---

⁴ См.: Рак В. Д. Литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб., 1998. С. 266—268.

⁵ Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 12. С. 296—301.

⁶ Там же. С. 282—295.

⁷ № 156 по системе Аарне-Томпсона; *Tubach F. C. Index exemplorum. A handbook of medieval religious tales* (FFC 204). Helsinki, 1969. № 215; Малък Э. Русская нарративная литература XVII—XVIII веков: Опыт указателя сюжетов, Лодзь, 1996. С. 84—86.

⁸ *Благодаров Я. И. Полезное и увеселительное чтение для юношества и всякого возраста...* М., 1788. С. 50.

занимают заметное место в русских журналах. Среди них можно назвать «Индейцев» У. Ричардсона (Richardson; 1761—1833)⁹, «Две любви» Э. де Жуи (Jouy; 1764—1846)¹⁰, «Жоко» М.-Ш.-Ж. Пужана (Pougens; 1755—1833)¹¹, «Дон Фебрилас» П.-Э. Лемонте (Lemontey; 1762—1826)¹², «Зюма, или Открытие целебных свойств хины» С.-Ф. де Жанлис (Genlis; 1746—1830)¹³ и др. Во всех этих сюжетах герой живет в чуждом ему (диком или цивилизованном) окружении (добровольно или вынужденно, по законам этого чуждого окружения или приспособлявая его к своим правилам). Окружение относится к нему доброжелательно, что чаще всего оказывается неожиданностью для героя, привыкшего воспринимать его как враждебное. Единственное исключение составляет антируссоистский памфлет Лемонте «Дон Фебрилас», где герой уходит от людей и живет в горах с собакой, конем, обезьяной и попугаем, считая, что животные лучше людей, а животные, напротив, оказываются агрессивными и калечат его. Существование этого текста говорит о том, что сюжетная схема уже вошла в литературный обиход и свободно обыгрывается и переворачивается. После возвращения героя к своим он в некоторых вариантах сюжета разбивает стену непонимания между своим и чужим мирами, способствуя их сближению или примирению (как, например, в повестях Жанлис «Зюма, или Открытие целебных свойств хины» и Ф. Соаве (Soave; 1743—1806) «Вильям Пенн»¹⁴ — в обеих великодушие дикарки трогает белых правителей и они, проявив в свою очередь великодушие, завоевывают тем самым доверие индейцев и подписывают с ними мирный договор). В других текстах герой не может преодолеть предубеждения своих собратьев по отношению к иному миру (как, например, в пужановской «Жоко»), наконец, возможен вариант, при котором герой, побывавший в чужом мире, отчуждается от мира собственного. Наиболее яркий пример такого развития сюжета — «Путешествие в дилижансе» Антония Погорельского¹⁵. Это единственная оригинальная повесть на подобный сюжет, напечатанная до 1830 г. Все критики, писавшие о ней, находили в ней сходство с «Жоко», хотя повесть Погорельского реализует противо-

⁹ ВЕ. 1807. Ч. 31, № 2. С. 81—107.

¹⁰ Соревн. 1821. Ч. 13, № 3. С. 361—384.

¹¹ МТ. 1825. Ч. 2, № 8. С. 336—351; Ч. 3, № 9. С. 41—59; № 10. С. 134—144.

¹² Благ. 1818. Ч. 4, № 12. С. 274—286.

¹³ Благ. 1822. Ч. 19, № 33. С. 241—265; № 34. С. 281—301.

¹⁴ Благ. 1819. Ч. 6, № 7. С. 38—43.

¹⁵ *Погорельский А.* Двойник, или Мои вечера в Малороссии. СПб., 1828. Ч. 2. С. 128—198.

положный вариант сюжета. Эта противоположность в рамках единой схемы прекрасно прочитывалась критиками: «Пужанова “Жоко” дала повод автору описать обезьян в “Путешествии в дилижансе”. Пужан рассказывает, что сделалось с обезьяною, попавшеюся в общество человека; наш автор говорит, что сделалось с человеком, попавшимся в общество обезьян», — писал рецензент «Московского телеграфа»¹⁶.

Стоит отметить, что за повестью Погорельского — единственной, реализующей вариант маленького ребенка, воспитанного среди диких зверей, — просматривается также реальная история Викторá, «аверонского дикаря». Обнаруженный впервые в 1797 г. на юге Франции мальчик, выросший в лесу и демонстрировавший повадки дикого животного, с 1800 г. находился под пристальным наблюдением ученых. Первое научное описание этого случая опубликовал французский аббат и естествоиспытатель Пьер-Жозеф Боннатер (Bonnatere; 1752—1804), наблюдавший Виктора сразу после его попадания в человеческую среду¹⁷. Затем в течение нескольких лет мальчик жил при больнице для глухонемых, где его воспитанием, обучением и исследованием занимался врач Жан Марк Гаспар Итар (Itard; 1774—1838), также опубликовавший подробные отчеты о состоянии и развитии Викторá¹⁸. История Викторá привлекала внимание философов, медиков и естествоиспытателей, ей посвящались статьи и исследования. В 1802 г. в первой части «Вестника Европы» Н. М. Карамзин напечатал перевод статьи Жозефа-Мари де Жерандо (Gérando; 1772—1842) «О диком человеке в Париже»¹⁹. Однако, по-видимому, история французского дикаря, если и получила известность в России, рассматривалась исключительно в научно-философском контексте и не ассоциировалась с художественной литературой — во всяком случае, после появления повести Погорельского никто не сопоставил ее с очевидно близкой историей Викторá. «Путешествие в дилижансе» сочли подражанием пужановской

---

¹⁶ МТ. 1828. Ч. 20, № 7. С. 360.

¹⁷ *Bonnaterre P.-J.* Notice historique sur le sauvage de l'Aveyron, et sur quelques autres individus qu'on a trouvés dans les forêts, à différentes époques. Paris, an VIII [1800].

¹⁸ *Itard J. M. G.* 1) De l'éducation d'un homme sauvage, ou Des premiers développemens physiques et moraux du jeune sauvage de l'Aveyron. Paris, [1801]; 2) Rapport fait à son excellence, le ministre de l'intérieur sur les nouveaux développemens et l'état actuel du sauvage de l'Aveyron. Paris, 1807.

¹⁹ ВЕ. 1802. Ч. 1, № 3. С. 14—19. В оригинале: «Rapport fait à l'Institut national, sur l'enfant appelé. Le sauvage de l'Aveyron»; источник установлен в кн.: Сводный каталог сериальных изданий (1801—1825). СПб., 1997. Т. 1 (А—В). С. 194, № 04831.

«Жоко», фабульно гораздо более далекой, но воспринимавшейся как часть единой сюжетной традиции.

Итак, можно говорить о том, что русской публике был достаточно хорошо знаком комплекс рассмотренных сюжетов, и, судя по тому, как охотно журналы печатали подобные переводные тексты, логично было бы ожидать появления аналогичных оригинальных повестей. Однако этого почему-то не происходит, Погорельский со своей обезьяной остается в одиночестве.

Конечно, русские авторы редко оказывались в Америке и едва ли могли достаточно изучить жизнь и характер индейцев, чтобы создать свой вариант «дикарского» сюжета на американском материале. Но со второго десятилетия XIX в. в России начинает активно формироваться образ собственного «дикаря». Этим дикарем становится кавказский горец. Кажется, первым параллель между индейцами и горцами провел Павел Свиньин в «Опыте живописного путешествия по Северной Америке»: «Не могу <...> не упомянуть здесь о замеченном мною удивительном сходстве их (индейцев. — Т. К.) с горными жителями Кавказа»²⁰. Тем же сравнением воспользовался Г. В. Гераков в «Путевых записках по многим российским губерниям»: «Мы стояли на берегу и с изумлением смотрели, как сии дикари гоняли быков из Моздока через Терек <...> кажется, видишь американцев в самой своей дикости»²¹. В двадцатые—тридцатые годы очерки о Кавказе становятся весьма популярны. Описание горцев как дикарей имеет в них характер общего места. Так, например, в «Письмах Х... Ш... к Ф. Булгарину, или Поездке на Кавказ» коренное население Кавказа описывается следующим образом: «Все горские обитатели имеют какую-то дикость, какое-то особое понятие о свободе и большую наклонность к войне»²², «скитаясь <...> по утесам, вертепам и пропастям, привыкают к уединению, к перенесению многообразных трудов, суровости воздуха и некоторой независимости, весьма близкой к состоянию первобытных диких народов или диких зверей»²³. Свиньин, сопоставляя индейцев с горцами, совсем близко подходит к интересующей нас теме: «У сих, так и у тех, равное отвращение к обычаям европейцев и всем выгодам, получаемым в жизни от просвещения. Бывали примеры, что англичане брали

---

²⁰ Свиньин П. П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке. СПб., 1815. С. 176.

²¹ Гераков Г. В. Путевые записки по многим российским губерниям. 1820. М., 1828. Т. 1. С. 75.

²² СА. 1828. Ч. 34, № 7. С. 71.

²³ Там же. С. 72.

индейских детей, давали им самое лучшее воспитание и они по счастливым способностям делали удивительные успехи; но, получив свободу, кидали европейское платье, раскрашивались наиболее безобразным образом и возвращались в первоначальную дикость. Так как черкес, вышедши из русского университета, подвиги просвещения начинает в горах своих кражею лошадей!»²⁴. Часть, касающаяся индейцев, очень близка к сюжету популярной повести «Кураме»²⁵, где заблудившуюся в лесу индейскую девочку воспитывают в своем доме европейцы, дают ей прекрасное образование, но, когда в город приходит депутация индейцев, Кураме убегает с ними, и через несколько лет ее встречают в индейской деревне, где она счастливо живет замужем за своим соплеменником. Казалось бы, все готово для появления на кавказской почве рассмотренного выше дикарско-животного сюжета. Да и за примерами недалеко ходить — многие путешественники по Кавказу упоминают владикавказского коменданта И. П. Дельпоццо (1739—1821), побывавшего в чеченском плену и сумевшего завоевать авторитет у горцев.

Но историю русского, попавшего к горцам, уже использовали в русской литературе. Речь, конечно же, идет о пушкинском «Кавказском пленнике». Однако Пушкин, как известно, ориентировался на другой образец — на восточные поэмы Байрона, в первую очередь — на «Корсара»²⁶. «Восточная» повесть о пленнике имела совсем другой сюжет — здесь важна была любовная коллизия между пленником (обычно больным или раненым) и девушкой, ухаживающей за ним или тайком приносящей ему еду и питье и помогающей освободиться (ср., например, повесть «Измаил и Мариам»²⁷, «Емизинда»²⁸ и др.). Здесь иногда возникает мотив различия веры как препятствия к соединению пленника со своей спасительницей, но нет момента узнавания в представителе чужого мира такого же человека, поскольку речь идет не о дикарях, а о людях другой, но весьма развитой культуры. Влияние Байрона на русскую романтическую литературу было очень велико, ассоциации с ним опознавались с полуслова — в том числе и в «Кавказском пленнике». Влияние же Пуш-

²⁴ *Свиньин П. П.* Опыт живописного путешествия по Северной Америке. С. 179.

²⁵ МТ. 1826. Ч. 9, № 10. Отд. II. С. 78—102.

²⁶ См. об этом: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избр. труды. Л., 1978; подробно о соотношении «Кавказского пленника» с байроновскими поэмами см.: *Проскурин О. А.* «Кавказский пленник»: Комментарий // Пушкин А. С. Соч. / Комментар. изд. под ред. Д. М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1 (Поэмы и повести. Ч. 1). С. 188—193.

²⁷ Соревн. 1819. Ч. 7, № 9. С. 282—308.

²⁸ ВЕ. 1814. Ч. 77, № 17. С. 3—28.

кина на последующую литературу было равносильно жесточайшему законодательству. После «Кавказского пленника» сюжет о русском пленнике стал исключительно восточным, любовным, байроническим сюжетом. Как отметил В. М. Жирмунский, «пленение европейца (русского) и жизнь его в экзотической обстановке мусульманского Востока, любовь туземной красавицы, попытка бегства, удачная или неудачная, образуют у подражателей Пушкина и Байрона прочный сюжетный остов»²⁹. Таковы, например, хрестоматийные «Киргизский пленник» (1828) Н. Н. Муравьева, «Пленник Турции» (1830) Д. Д. Комисарова и др. Итак, в беллетристике, в отличие от очерков и «путешествий», Кавказ оказался включен в число инокультурных, а не диких пространств.

Думаю, что именно это не позволяло рассматриваемому нами сюжету о европейце, попавшем к дикарям, появиться на кавказском материале. В пользу такой гипотезы, как кажется, говорит текст, на который обратила внимание М. А. Тахо-Годи, — «Письма о Кавказе и Грузии», опубликованные до появления пушкинской поэмы Фредерикой Фрейганг (Freycang, урожд. Кудрявская; 1789—1863)³⁰, где, в частности, описывается история пленения владикавказского коменданта Дельпоццо. В изложении Фрейганг эта история хранит явные следы нашего сюжета: герой попадает в плен к чеченцам, которые держат его у себя в надежде на выкуп. Несмотря на жестокость обращения с пленником, чеченцы постепенно проникаются к нему доверием. «...Они часто приходили к нему советоваться по своим делам или с просьбой рассудить их споры. Выносимые им решения сделали его в какой-то мере верховным судьей этого дикого народа»³¹. Местные женщины иногда приносят ему еду, жалеют его, но не решаются освободить. В результате русские выкупают пленника, который впоследствии, сделавшись комендантом, «решительно сочувствует <...> дикарям, среди которых живет давно, и он сохраняет эту особенную любовь к ним, несмотря на страдания, которые вынес у чеченцев»³². То есть герой, попавший в чуждое окружение, оказывает врагам услуги, завоевывает доверие и сочувствие и сам проникается сочувствием к чуждому миру. Это пересказ

²⁹ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. С. 239.

³⁰ Freycang F. Lettres sur le Caucase et la Géorgie suivies d'une Rélation d'un voyage en Perse en 1812. Hambourg, 1816.

³¹ Цит. по: Тахо-Годи М. А. Кавказ и «кавказские пленники» глазами путешественников начала XIX в.: Ксавье де Местр и Фредерика Фрейганг // Дарьял: Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2001. № 1. С. 211.

³² Там же. С. 210.

реальной истории (как уже говорилось выше, она упоминается многими побывавшими в то время на Кавказе), однако, как кажется, рассказ строится с ориентацией на известную модель «дикарского» сюжета. После публикации пушкинской поэмы нам не удалось обнаружить подобных текстов вплоть до тридцатых годов.

Одновременно в путевых заметках и этнографических очерках горцы продолжают описываться как дикари, подобные диким американцам. Более того, общим местом в этих заметках становится опровержение «Кавказского пленника». Так, например, в анонимных «Письмах с Кавказа»³³ офицер, читавший Пушкина на Кавказе, разочаровался в черкесах, не видя в них ни красоты, ни воинственной силы. Ему объясняют, что «Пушкин <...> описывал черкесов диких, в первобытной их свободе. Здешние покорены русскому оружию. Ведя жизнь тихую и мирную, не имея нужды сражаться, они сделались похожи более на поселян, нежели на воинов»³⁴. Н. Пауль в «Кавказских картинах» описывает освобождение русскими пленного казака, которому, пока он томился у горцев, «три бравые (как выражался он с улыбкой) девки украдкой давали <...> головку кукурузы». Далее следует ссылка на «Кавказского пленника» и затем такой пассаж: «Полунагая чеченка, прикрытая лохмотьями, с тряпкой на голове вместо покрывала, с босыми ногами и черствыми руками, есть не что иное, как неопрятное создание, раздавленное домашней работой; сие творение руководствовалось только животным состраданием, когда бросало головку кукурузы пленному линейцу, лицо коего было вывеской неподвижной глупости»³⁵.

С другой стороны, даже авторы, претендующие на документальность изображения «дикого» Кавказа, порой не могут совладать с давлением пушкинского текста. Так, в «Письмах Х... Ш... к Ф. Булгарину» после обычного описания дикости горцев, «весьма близкой к состоянию первобытных диких народов или диких зверей», автор заговаривает о черкешенках — и тон его разительно меняется: «Лица их самые выразительные; глаза черные, пылающие страстию; волосы и брови черные, как уголь; тело белое, как снег Элбуруса; щеки алые, как роза кавказская; губы пурпуровые, украшенные удивительно прекрасными зубами. Так горцы описывают своих красавиц в песнях, и справедливо. — Языки восточные всегда украшаются сравнениями, нередко превышающими всякое вероятие»³⁶. Одно упоминание о чер-

---

³³ МТ. 1830. Ч. 33 № 10. С. 167–196, № 11. С. 313–339 (подпись: П. С.).

³⁴ Там же. № 11. С. 321.

³⁵ Телескоп. 1833. Ч. 16, № 15. С. 329–330.

³⁶ СА. 1828. Ч. 34, № 7. С. 89–90.

кешенках мгновенно переносит повествователя из диких гор на цветистый романтический Восток.

Кажется, первым, кому удалось вырваться из замкнутого круга восточного «Кавказского пленника» и создать собственно кавказские сюжеты, стал А. Бестужев-Марлинский. Его «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» (1831) очевидно ориентирован на этнографические очерки, и пленение героя сразу объявляется удобнейшей позицией для изучения изнутри нравов горцев. Но уже в повести «Аммалат-бек» (1831) выстраивается вполне сложная оригинальная сюжетная конструкция. В этой повести чувствуются следы восточных поэм — например, когда Селтанета впервые приходит к раненому Аммалату: «Аммалат послышал тихие, осторожные шаги по коврам спальни. Он приподнял тяжелые веки, и сквозь сеть ресниц показалось ему, что прелестная черноокая девушка <...> тихо приблизилась к его ложу...»³⁷ и т. д. Но любопытно другое. В первой относительно самостоятельной прозаической повести о Кавказе отчетливо прослеживается все тот же знакомый нам сюжет о дикаре, попавшем в плен к европейцам (русским), о том, как русский офицер спас пленника от смерти, поселил у себя, научил читать, писать, чисто говорить по-русски, с тем чтобы, вернувшись к своим, он больше не воевал с русскими и способствовал примирению враждующих сторон. Конечно, время было уже другое и руссоистская идиллия ушла в прошлое — трагический финал «Аммалат-бека» лишнее тому доказательство (как, впрочем, и трагический финал написанного за четыре года до него «Путешествия в дилижансе», первой оригинальной русской повести, реализовавшей наш сюжет в варианте «человек — животное»). Но сам сюжет, и именно на кавказском материале, все-таки дождался своего часа. Литературные гиганты порой вмешиваются в мирное и достаточно легко прогнозируемое развитие сюжетов, заставляя их сворачивать с намеченного пути. Думаю, что в данном случае произошло как раз такое вмешательство и Пушкин, следуя за Байроном, отсрочил появление кавказско-дикарской повести на добрых десять лет.

2

«les eaux — une saison...»

Пушкинский замысел Кавказского романа: к истории «водной» литературы

В первой заметке было показано, как пушкинское воздействие изменило судьбу сюжета и повернуло его в сторону от того направ-

³⁷ Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 30.

ления, в котором двигала его вся логика предшествующей традиции. В этой, второй, заметке мы остановимся на другом кавказском сюжете, в ход которого Пушкин собирался вмешаться, но не осуществил своего намерения. Здесь нам остается только предполагать, каковы могли быть последствия этого вмешательства, если бы замысел был воплощен.

От пушкинского замысла «<Романа на кавказских водах>» осталось очень немного — отрывок первой главы и несколько кратких планов (ПД 268—274), во многом противоречащих друг другу, так что ни один не может быть дополнен недостающими деталями другого. Тем не менее, когда читаешь эти немногие материалы, создается впечатление, что сюжет по ним реконструируется достаточно легко. Не в последнюю очередь это связано с тем, что пушкинский замысел прекрасно ложится в традицию «водной» литературы. Наличие такой традиции очевидно для любого современного читателя. Однако речь идет о читателе, воспитанном на «Герое нашего времени» Лермонтова и вынесшем свое представление о жанре в первую очередь из «Княжны Мери», — вопрос состоит в том, насколько ощутимой была эта традиция в момент работы Пушкина над замыслом романа, адекватно ли наше интуитивное заполнение лакун на основании более позднего опыта и, наконец, что мог бы внести в «водную» литературу пушкинский роман.

В русской литературе к моменту появления пушкинского замысла «романов на водах» не было. Комедия А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), подчиненная комедийному канону и решавшая совсем другие жанровые и полемические задачи, полностью лишена «водной» специфики, хотя действие и происходит на водах. Однако в европейской литературе «водная» тематика была уже представлена достаточно широко.

По-видимому, распространение моды на литературу о целебных водах началось после выхода в 1734 г. книги немецкого литератора Карла Людвиг барона фон Пёльница (Pöllnitz; 1692—1775) «Развлечения на водах Спа»³⁸. Книга фон Пёльница представляет собой просто путеводитель — описание вод, свойств источников, местных ландшафтов и достопримечательностей, предназначенное для посетителей Спа. Однако в последующих аналогичных сочинениях сразу же проявилась отчетливая тенденция к беллетризации путеводи-

---

³⁸ Pöllnitz K. L. Amusemens des eaux de Spa: Ouvrage utile à ceux qui vont boire ces eaux minérales sur les lieux. Enrichi de tailles-douces, qui représentent les vues & perspectives du bourg de Spa, des fontaines, des promenades, & des environs. Amsterdam, 1734

телей по водам. Так, в книге Давида-Франсуа Мервейё (Merveilleux; 1652—1712) «Развлечения на водах Бада в Швейцарии, Шинцнаха и Пфедера с описанием и сравнением этих вод с источниками Швальбаха и других вод империи»³⁹ краткие сообщения собственно об источниках и местах, где они находятся, сопровождаются пространственным юмористическим описанием местного общества и анекдотами, связанными с этим обществом, причем анекдоты, в начале совсем краткие, к концу книги становятся все длиннее и занимают уже большую часть текста. Вся книга построена в виде писем, что также приближает ее к беллетристике. В путеводителях-описаниях появляются беседы между представителями водного общества и истории, рассказываемые во время этих бесед (см., например, «Развлечения на водах Экс-ла-Шапель» того же Пёльница⁴⁰) или приложенные к ним дополнительные повествования (например, «Развлечения на водах Швальбаха» Мервейё⁴¹). Однако, несмотря на очевидное приближение к беллетристике, эти книги сохраняют внешнюю форму путеводителя по водам: на вклейках приводятся карты местности, ландшафты, изображения основных строений. В повествование вводятся рассказы медиков о здешних водах и советы по их использованию. Эти и подобные сочинения неоднократно издавались и переиздавались на протяжении XVIII в. на французском, немецком и английском языках⁴². Ни одного перевода подобных книг на русский язык обнаружить не удалось.

В русской литературе беллетризованные описания вод не получили распространения. Благоустройство и введение в моду Кавказских минеральных источников сопровождалось большим количеством их

---

³⁹ *Merveilleux D.-F.* Amusemens des bains de Bade en Suisse, de Schintznach et de Pfeffers, avec la description et la comparaison de leurs eaux avec celles des bains de Schwalbach et autres de l'Empire: Le tout accompagné d'histoires et d'anecdotes curieuses. Londres, 1739

⁴⁰ *Pöllnitz K. L.* Amusemens des eaux d'Aix-la-Chapelle: Ouvrage utile a ceux qui vont y prendre les bains, ou qui sont dans l'usage de ses eaux: Enrichi de tailles-douces, qui représentent les vues & perspectives de cette ville, de ses bains & fontaines, eglises & edifices publics. Amsterdam, 1736.

⁴¹ [*Merveilleux D.-F.*] Amusemens des eaux de Schwalbach, des bains de Wisbaden et de Schlangenbad, avec deux relations curieuses, l'une de la nouvelle Jérusalem [par Lavoy], et l'autre d'une partie de la Tartarie indépendante. Liège, 1738.

⁴² См., например: *La Solle H.-F. de.* Amusemens des eaux de Passy. Paris, 1787; Amusemens des eaux de Cleve, oder Vergnügungen und Ergötzlichkeiten bey denen Wassern zu Cleve zum Nutzen derjenigen welche die angenehme Gegenden und Merkwürdigkeiten besehen oder diese Mineral-Wasser gebrauchen wollen, entworfen von einem Mitgliede der Brunnen-Gesellschaft. Lemgo, 1748; и др.

научных описаний⁴³. Эти труды не предполагали характеристики местного общества и нравов и оставались сугубо медико-географической литературой. Ни малейших намеков на движение к беллетризации в них не просматривалось. В то же время в печати появлялись записки путешественников о Кавказе, включавшие и путешествие на воды («Письма Х... Ш... к Ф. Булгарину, или Поездка на Кавказ»⁴⁴; «Письма с Кавказа» П. С.⁴⁵; «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию» Н. А. Нефедьева⁴⁶; «Прогулка к Кавказским минеральным водам» И. Т. Радожицкого⁴⁷ и др.). В подобных текстах нередко встречались описания водного общества, его времяпрепровождения, разговоров у источников, — они отражали сложившиеся стереотипы описания водной жизни, но все это оставалось в рамках путевых заметок, не превращаясь в развернутые анекдоты или повести.

По-видимому, поворотным моментом в истории европейской «водной» литературы стало появление в 1771 г. романа «Путешествие Хамфри Клинкера», написанного шотландским писателем и врачом Тобайасом Смоллеттом (Smollett; 1721—1771). Здесь, кажется, впервые описание вод входит в ткань романа, но оно по-прежнему отчетливо сохраняет следы родства с жанром беллетризованного путеводителя и медицинского руководства. В «Путешествии Хамфри Клинкера» присутствуют сведения о городе, ваннах, составе воды и ее действии при различных болезнях. Традиция описания вод здесь уже вполне осознана и обыграна: в письмах героев, особенно брюзжащего мистера Брамбла, элементы «водных» путеводителей приобретают откровенно комический характер. Наиболее комической оказывается фигура лекаря, рассуждающего о пользе зловония. Роман Смоллетта был переведен на русский язык⁴⁸, но широкого распространения в России, по-видимому,

⁴³ См., например: *Нелюбин А. П.* Полное историческое медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод. СПб., 1825; *Савенко П. Н.* Кавказские минеральные воды. СПб., 1828; *Конради Ф.* Рассуждение о искусственных минеральных водах, с приобщением новейших известий о Кавказских минеральных источниках. СПб., 1831 и др.

⁴⁴ СА. 1828. Ч. 32, № 3. С. 114—147, № 4. С. 228—283; Ч. 33, № 5. С. 63—115, № 6. С. 208—270; Ч. 34, № 7. С. 40—109, № 8. С. 194—152; Ч. 35, № 9. С. 98—152, № 10. С. 220—294.

⁴⁵ МТ. 1830. Ч. 33 № 10. С. 181—196, № 11. С. 313—339.

⁴⁶ Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году Н... Н... М., 1829.

⁴⁷ ОЗ. 1823. Ч. 16, № 44. С. 387—411; 1824. Ч. 17, № 45. С. 91—104; № 46. С. 202—225; № 47. С. 411—456.

⁴⁸ Путешествие Гумфрия Клинкера. Творение г. Фильдинга <!>, переведенное с немецкого Иваном Захаровым. СПб., 1789. Ч. 1—3.

не получил. Совсем неизвестным русскому читателю остался один из основных литературных предшественников «Путешествия Хамфри Клинкера» в части описания вод Бата – сатирическая нравоописательная поэма Кристофера Энсти (Anstey, 1724–1805) «Новый путеводитель по Бату»⁴⁹, уже само название которой подтверждает гипотезу о тесной и осознававшейся современниками связи между собственно художественными описаниями вод и жанром беллетризованных путеводителей.

После Смоллетта посещение героями романов водных курортов стало столь же естественным сюжетным ходом, как отъезд в деревню или, наоборот, посещение столицы и описание столичного высшего света. Развернутые картины вод и водного общества можно найти, например, в знаменитом романе английского писателя Эдуарда Булвера-Литтона (Bulwer-Lytton; 1803–1873) «Пелэм, или Приключения джентльмена» (1828). Наибольшую известность среди «водных» романов приобрели «Сент-Ронанские воды» (1824) Вальтера Скотта. Этот многоплановый нравоописательный и авантюрный роман из современной жизни представляет собой наиболее полное воплощение «водного» повествования, вобравшее в себя все уже сложившиеся элементы описания водного общества, на фоне которого разворачивается сложный романский сюжет.

Итак, каковы же основные характерные черты «водного» текста?

Во-первых, на водах происходит смешение людей, принадлежащих к разным слоям общества и не имеющих шанса встретиться в другой ситуации. Болезни, общие очереди в ванны, к источникам, обязательный моцион между выпитыми стаканами воды вынуждают людей общаться с теми, кто случайно оказывается рядом или страдает той же болезнью. Изображение этого экзотического перемешанного общества стало обязательной частью любого «водного» повествования. «Здесь мы найдем министров, судей, генералов, епископов, прожектеров, философов, остроумцев, поэтов, актеров, аптекарей, уличных музыкантов, балаганных шутов <...> здесь в публичных залах смешиваются представители всех сословий без различия положения и состояния»⁵⁰. Подобные замечания есть и у Вальтера Скотта, и у Булвера-Литтона — и, собственно, у всех, писавших о водах, в том числе и в русских путешествиях по Кавказу, где именно этой чертой характеризуется водное общество: «...в общей зале знакомятся и в приятных беседах проводят время нечувствительно. Чинов здесь не наблюдают, и все делается равными — в человеческой немощи.

---

⁴⁹ Anstey C. The New Bath Guide. Cambridge, 1766

⁵⁰ Смоллетт Т. Путешествие Хамфри Клинкера / Пер. с англ. А. Кривцовой. М., 1983. С. 73.

Это собрание разного звания людей в теплых одеждах среди лета, при различной пестроте и покрое, представляет довольно забавный маскарад»⁵¹ или: «Нигде нельзя так скоро знакомиться, как у ванн: здесь всегда встречаются одни и те же лица и, разделяя общую участь ожидать иногда по несколько часов очереди, вступают в разговоры о роде болезни каждого, о действии вод, о том, кто откуда приехал, о новостях местных и сторонних и проч.»⁵². По-видимому, появляющиеся в трех планах пушкинского «<Романа на кавказских водах>» пункты «Кто были посетители и жители», «Общество на водах», «весна, кто живет на Кавказе» (Акад. Т. 8. С. 966, 967, 965) связаны именно с этой общепринятой чертой описания «водного» общества.

Из этого основного свойства «водных» нравов и «водных» текстов следует еще одно: здесь легче, чем где бы то ни было возникают романы, чему способствуют рекомендуемые врачами пешие или конные прогулки по окрестностям. При такой легкости знакомств и в силу смешанности общества у предприимчивого человека появляется редкая возможность найти выгодную партию. В романе Смоллетта значительная часть событий в Бате связана с надеждами мисс Табиты Брамбл на брак с сэром Уликом Маккалигутом, который проявляет к ней явный интерес, пока не выясняет истинные размеры ее состояния. В «Сент-Ронанских водах» небогатая девица умело завлекает под венец сэра Бинго Бингса (гл. 6); подобную историю находим в рассказе «Одна из сцен у минеральных вод в Америке»⁵³. В «Княжне Мери» эта черта курортной жизни формулируется как общее правило: «Здесь, на водах, преопасный воздух; сколько я видел прекрасных молодых людей, достойных лучшей участи и уезжавших отсюда прямо под венец»⁵⁴. Мотив вод, как места, где ищут мужа, получил отражение в пушкинском фрагменте начала романа — Поводова желает Маше вернуться с вод замужней. В отмененном раннем варианте он проступает еще явственнее: «мало ли наших военных в тамошнем краю — а им то [кра<савицы>] женщины в диковинку. Наткнешься на какого-нибудь холостого генерала» (Акад. Т. 8. С. 964). В одном из планов (ПД 271) упоминаются «<з>релье <?> невесты» (Там же. С. 966). К этой же теме, по-видимому, относится и пункт: «все дамы на гуляньи ждут Якуб<овича>. Он является — с братом, который представляет его — *Его ловят*, он влюбляется в Марию» (Там же. Курсив наш).

⁵¹ *Радожницкий И.* Прогулка к Кавказским минеральным водам // ОЗ. 1824. Ч. 17, № 45. С. 100—101.

⁵² [*Нефедьев Н. А.*] Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году Н... Н... С. 46.

⁵³ ВЕ. 1829. Ч. 163, № 3. С. 235—249.

⁵⁴ *Лермонтов М. Ю.* Соч.: В 6 т. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 306.

Еще одна характерная черта «водных» текстов — рассказы о махинациях разнообразных мошенников, съезжающих на воды, чтобы ловить скачущих посетителей в искусно расставляемые ими сети. В романе Смоллетта упоминаются бильярдисты, завлекшие в игру богатого наследника и вытянувшие у него несколько сотен фунтов стерлингов⁵⁵. В «Сент-Ронанских водах» действуют карточные шулеры, которые становятся частыми персонажами «водных» текстов. Анонимный русский путешественник по Кавказу писал об игроках, вздумавших «позаботиться <...> о поправлении здоровья кошельков своих, которое от долгого пребывания на Кавказе весьма легко может расстроиться»⁵⁶. Карточные мошенники фигурируют и у Пушкина («банкометы (сотр<удники>) Якуб<овича>» в плане ПД 271 — Акад. Т. 8. С. 966).

Среди традиционных персонажей «водной» литературы, сохранившихся еще со времен первых путеводителей, были местные врачи, общающиеся приезжим сведения о водах и старающиеся залучить ново-прибывших в качестве пациентов. После Смоллетта за этими персонажами прочно закрепилось комическое амплуа или, во всяком случае, роль чудаков — таков доктор Квентин Квеклебен у Вальтера Скотта, таков, по-видимому, малороссийский лекарь-поэт Хохленко в пушкинских планах. Черты лекаря-чудака сохраняет и романтизированный доктор Вернер в «Княжне Мери».

Наконец, почти всегда на водах присутствует девушка или молодая женщина, страдающая нервным расстройством или (в более поздних текстах) чахоткой, как правило, вследствие несчастной любви. Героиню «Путешествия Хамфри Клинкера» увозят на воды после нервической горячки, связанной с любовной историей. Нервным расстройством, вызванным любовью и несчастным замужеством, страдает и Клара Моубрей из «Сент-Ронанских вод» В. Скотта. В наброске начала «<Романа на Кавказских водах>» героиня «с бледным прекрасным лицом и черными огненными глазами» (Акад. Т. 8. С. 412) больна, а в литературе того времени болезнь молодой девушки вызывалась, как правило, душевными переживаниями — примеров можно привести множество⁵⁷. Прототип героини «<Романа на Кавказских водах>»

⁵⁵ См.: Смоллетт Т. Путешествие Хамфри Клинкера. С. 77.

⁵⁶ Письма с Кавказа // МТ. 1830. Ч. 33, № 11. С. 337.

⁵⁷ Ср. пушкинскую «Метель», а также: *Монтолье И.* Возвращение Морица на родину // ВЕ. 1812. Ч. 61, № 2; *Бальдауф Ф. И.* Горный дух // Благ. 1821. Ч. 15, № 13; *Нарежный В. Т.* Мария // Новые повести Василия Нарежного. СПб., 1824; *Яковлев М.* Судьба // Невский альманах на 1826 г. СПб., 1825; *Ирвинг В.* Аннета Деларбр // МТ. 1828. Ч. 20, № 6; и многие другие.

Александра Римская-Корсакова пережила тяжелейшую нервную горячку после разрыва с Н. А. Самойловым, о чем много судачили в Москве. У Пушкина врачи рекомендуют героине лечение железными водами, которые считались особенно эффективными для страдающих болезнями, вызванными нервными расстройствами: «Железными теплыми водами уничтожается местное и общее расслабление нашего организма, зависящее от <...> душевных и телесных напряжений, от продолжительных нервных и других изнурительных болезней»⁵⁸; «...болезнь сия («нервная слабость». — Т. К.) требует исключительно употребления железных и углекислых минеральных вод»⁵⁹.

Нет необходимости подробно останавливаться на вопросе о непосредственном воздействии на пушкинский замысел «Сент-Ронанских вод» (он был рассмотрен в работе Н. В. Измайлова⁶⁰) — приведенных выше примеров, как кажется, достаточно, чтобы говорить о том, что этот замысел во многом соответствовал тем общим правилам, которые предлагала существующая «водная» литература: движущими пружинами любовно-авантюжного сюжета были легко возникающие в свободном и смешанном «водном» обществе любовные отношения, какую-то роль в истории играли карточные мошенники и местные врачи, сражающиеся за пациентов.

Все эти черты мы в той или иной степени находим и в лермонтовском «водном» романе (разве что карточные мошенники там не обозначены, но компания драгунского капитана берется за мошенничество иного рода). Более того, «Княжна Мери» содержит вполне явную рефлексию жанра — характерные черты «водного» повествования там продемонстрированы со всей очевидностью. Поэтому, уже выделенные и подчеркнутые Лермонтовым, они воспринимаются нами у Пушкина как знакомые и легко распознаваемые. И такое интуитивное восприятие не вступает в противоречие с историей литературы, поскольку Лермонтов через десять лет после Пушкина опирался на ту же литературную традицию.

Однако в пушкинском замысле была своя специфика, отсутствующая в европейской литературе. Она была связана с особенностями именно кавказских водных курортов: фешенебельное водное общество находилось в непосредственной близости от воинственных и до конца не покоренных кавказцев. Это соседство и потенциальная

---

⁵⁸ Савенко П. Н. Кавказские минеральные воды. С. 137—138 (книга имелась в библиотеке Пушкина, см.: Библиотека П. № 345).

⁵⁹ Нелюбин А. П. Полное историческое медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских Минеральных Вод. С. 556.

⁶⁰ Измайлов Н. В. «Роман на Кавказских водах»: Неосуществленный замысел Пушкина // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 206—209.

опасность, в той или иной степени угрожающая путешественникам, приезжающим на воды, обязательно отмечались всеми, писавшими о кавказских водах. Эту специфику, в частности, показал Марлинский в «Вечере на кавказских водах». Кратко перечислив стандартный набор черт «водного» общества («Зачем мы все здесь? <...> Сделайте подобный вопрос каждому из нас, и все скажут: лечиться; но кроме этого есть побочные или главные цели у многих. Одни приезжают рассеяться любовными связями; другие — остепениться женитьбой; третьи — поправить картами несправедливость фортуны; иные, чтоб не упустить из виду умирающего богача-родственника...»⁶¹), он упомянул о персонаже, который, заметив, что все участники вечерней беседы выходят из ресторации, «поспешил последовать общему движению и забился в середину толпы, чтобы, в случае нападения горцев, быть в безопасности, по крайней мере, от выстрелов <...>. Дорогою успел он наскзать о зверстве и дерзости чеченцев тьму ужасов: как два года тому назад они увезли отсюда двух дам с дочерьми...»⁶². У Марлинского «водное» общество и тематика служат лишь рамкой для рассказывания самостоятельных историй — такое построение, как уже говорилось, встречалось в европейских «Развлечениях на водах», — но не превращаются в собственно «водный» сюжет. Пушкинский роман, если бы был написан, мог открыть путь такому специфически кавказскому направлению жанра.

Вернемся к рассмотренной в первой заметке тенденции развития сюжета о «диких горцах» и о взаимопроникновении «дикого» и «цивилизованного» миров. В ее контексте пушкинский замысел, герой которого был причастен к миру горцев, дикому и непредсказуемому, расположенному в непосредственной близости от светского общества, обосновавшегося на водах, мог дать совершенно новое направление «водной» литературе, существенно видоизменив европейскую традицию. Но пушкинский роман не был написан. Вместо него десять лет спустя, когда воспоминание о горских набегах стало легендой, а безукоризненное подражание внешнему облику черкеса — признаком истинного денди, появилась повесть «Княжна Мери». Момент, когда горский мир мог вторгнуться в «водный» сюжет, был упущен, и вместо того, чтобы открыть путь новому, специфически кавказскому авантюрному роману на водах, Лермонтов чеканно утвердил в русской литературе существующую европейскую традицию, одновременно открыв путь совсем другому жанру — русскому психологическому роману.

---

⁶¹ *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 1. С. 263.

⁶² Там же. С. 308.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009